

ПРЕДИСЛОВИЕ

На первый взгляд, книга Г.А.Дегтярева — сугубо лингвистическая, она посвящена разностороннему комплексному изучению земледельческой лексики чувашского языка. Однако, если задуматься поглубже, ее содержание намного шире: в ней через призму языка просматривается история развития земледельческого труда у булгаро-чувашей и их далеких предков. Более того, собранный и систематизированный в данной книге репрезентативный эмпирический материал в известной степени освещает историю развития культуры земледелия на широком хронотопологическом пространстве евразийских степей по крайней мере на протяжении последних двух тысячелетий.

Настоящее исследование впервые в чувашеведении предоставляет в руки историков богатый и научно выверенный фактический материал для изучения чрезвычайно актуальной и до сих пор практически почти не затронутой специалистами проблемы — истории земледелия кочевых народов евразийских степей. Кочевники и земледелие... Не правда ли, звучит как-то странно и интригующе. Но факты — вещь упрямая, а они однозначно свидетельствуют о том, что и классические номады, там, где это было возможно, практически никогда не расставались с земледелием.

Развитие земледелия было одним из действительно больших достижений человека, которое можно сравнить лишь с укрощением огня.

Когда и как возникло земледелие? Когда наши далекие предки — прототюрки — начали заниматься земледелием? Ответить на эти вопросы мы можем только предположительно: самое начало потеряно на заре истории. Археологи утверждают, что со времени появления первых поселений неолитического человека в Малой Азии и Европе и индейцев в Америке — развитие земледелия, начинавшееся с выдергивания сорняков, чтобы они не мешали росту диких зерновых и других полезных растений, привело к намеренному высеву семян и, наконец, к подготовке почвы.

Приоткрыть завесу истории помогает язык. Компаративисты, занимающиеся сравнительным изучением родственных языков, разработали специальную методику изучения истории слов, с помощью которой можно относительно точно определить возраст того или иного слова, а также установить место на Земле, откуда это слово распространялось по ойкумене. Сравнительно-историческое изучение земледельческой лексики тюркских языков показывает, что названия основных сельскохозяйственных культур, а также терминология земледелия сложились задолго до первичного распада прототюркской общности на две основные ветви — огузскую (общетюркскую) и огурскую (протобулгарскую). Первичный распад прототюркской общности специалисты относят к середине I тысячелетия до новой эры. Судя по лингвистическим свидетельствам, прототюрки к этому времени уже достигли относительно высокого уровня земледелия и возделывали все основные культуры, известные в Старом Свете: различные виды проса (пратюрк. **ügiir* ~ чув. *вир* «просо»), полбы (пратюрк. **bugdaj* «полба», «пшеница» ~ чув. *пәри* «полба»), пшеницы (пратюрк. **talqan* ~ чув. *тулă* «пшеница»), ячменя (пратюрк. **arpa* ~ чув. *урпа* «ячмень»), бобовых (пратюрк. **burçaq* ~ чув. *пәрса* «горох»), владели разнообразными агротехническими приемами обработки земли, ср.: пратюрк. **tarī-* «возделывать землю», «сеять», **tarīy* «посевы», «хлеба на корню», «хлеба в зерне» ~ чув. *тырă* «хлеба на корню и в зерне»; пратюрк. **äk-* «обрабатывать землю», «сеять» ~ чув. *ак-* «сеять», *ака* «земледелие», «обработка земли», «плуг»; пратюрк. **äš-* «копать (землю)» ~ чув. *ал-* «копать», «пахать»; пратюрк. *baz-* «копать (землю)» ~ чув. **ныр-/нур-* «копать», отсюда *пыра/пура* «яма для хранения зерна», «колодец», «сусек»; пратюрк. **süjre-* «тянуть», «волочить» ~ чув. *сүре-* «бороновать»; пратюрк. **sač-* «разбрасывать», «сеять» ~ чув. *сиç-* «сметать сор с вороха зерна», первоначально — «разбрасывать», «сеять»; пратюрк. **küire-* «сгребать», **kürek* «лопата» ~ чув. *кёресе* «лопата»; пратюрк. **qaz-* «копать», «рыть» ~ чув. *хыр-* «сгребать» (чув. *хус-* «копать» — позднее заимствование из кыпчакского) и т.д. На уровне современных историко-археологических знаний прародина тюркских народов

локализуется в Центральной Азии, а конкретнее — в Восточной Монголии и сопредельных районах. Следовательно, уже в бытность на своей первоначальной прародине далекие предки чувашей достигли сравнительно высокого для своего времени уровня земледелия.

Одной из наиболее древних культур евразийских степей считается просо — неприхотливая, нетрудоемкая, засухоустойчивая и высокоурожайная культура. Некоторые сорта проса в среднем дают урожай от сам-80 до сам-100 и выше (для сравнения: пшеница и рожь дают урожай сам-7—сам-8). Не случайно просо было с древнейших времен традиционной культурой кочевников-земледельцев. Вплоть до середины XX века у чувашей пшенная каша была обязательным ритуальным блюдом во всех обрядах. В чувашских народных песнях до сих пор пшенная каша встречается чаще всего. Очень глубокую традицию в тюркской земледельческой культуре имеют также ячмень (тюрк. *arpa*) и полба, а вот пшеница, этот более окультуренный вид полбы, появилась намного позднее. Овес (тюрк. **suly* ~ чув. *сёлё*) открывает слепопрямые приобретения. Считается, что эта восточноевропейская культура получена тюрками при их продвижении на запад, причем разными племенами самостоятельно, поскольку для овса отсутствует единое общетюркское название. Столь характерную для чувашских полей рожь турки практически не знали, так как в южных регионах она попросту не растет. С этой культурой чуваша, скорее всего, познакомились только на Средней Волге. Обычно принято считать, что чувашское название ржи *ыраш* заимствовано из русского языка, но общеславянским названием этой земледельческой культуры было *жито* (ср. укр. *жито*, белор. *жыта*, чеш. *žito*, польск. *żyto* «рожь»), а слово *рожь* проникло в славянские языки из германских (нем. *Roggen*, голланд. *rógge*, др.-сканд. *rugr*, совр. исл. *rugir*, дат. *rug*, швед. *råg* «рожь»). Вполне возможно, что в Волжскую Булгарию, как и в Древнюю Русь, рожь попала из Скандинавии через посредство варягов (росов). Любопытно вспомнить, что уже в начале X века арабские источники (Ибн Фадлан и др.) описывают росов в пределах Волжской Булгарии. Вполне возможно, что рожь была одним из продуктов экспорта из Скандинавии в Среднее Поволжье.

За период многовекового автономного развития тюркских языков некоторые архаичные земледельческие термины в различных тюркских языках в ходе сепаратного семантического развития получали новые, порой весьма далекие от первоначального, значения. Так, например, пратюркское название проса **ügür*, отмеченное в др.-уйг. *üjür* «просо», карах.-уйг. *ügür* ~ *jügür* (по МК), *jür* (по КБ), др.-огуз. *ügür* (по МК), ср.-уйг. *üjür* «просо», перен. «семена, зернышки», в большинстве современных тюркских языков потеряло свое первоначальное значение и стало названием пищевого продукта и даже кулинарного блюда, ср.: тат. *өйр* □ «суп из крупы», башк. *өйр* □ «суп из крупы», «похлебка», кар. *ивре* «крупя», «каша», ног. *ййре* «суп с крупой», «похлебка», аз. диал. *урва* «мука, которой посыпают тесто, чтобы оно не приставало к доске», узб. *увра*/□ ~ *угра*/□ «лапша», уйг. *йгр* □, *өгр* □ «мелко нарезанная лапша», «вермишель», алт. *йре* «кашица из толченой крупы и молока», хак. *йгре* «суп из крупы», койб. *ügürä* «суп из крупы» и т.д., и только в чувашском *вир* сохранилось первоначальное значение «просо». Семантическое развитие, очевидно, происходило в следующей последовательности: «просо (растение, зерно)» > «пшено (очищенное просо)» > «крупя» > «суп из крупы», «каша» > «лапша», «вермишель». Такой ход развития значения слова, скорее всего, указывает на то, что большинство современных тюркских народов на определенном историческом этапе, очевидно, в период наивысшего расцвета кочевничества, утратило навыки традиционного земледелия и, как следствие, позабыло значение названия даже самой распространенной в древности земледельческой культуры. Название проса у них стало обозначением крупяных изделий и, более того, названием блюд, приготовленных с использованием крупяных продуктов. А в некоторых языках пратюркское название проса **ügür* полностью выпало, не оставив никаких следов, и было заменено общим названием зерновых культур **tarıy*.

Тюркские народы даже на стадии классического нomaдизма не могли полностью отказаться от растительной пищи. Забросившие земледелие тюркские племена были вынуждены получать зерно от своих соседей путем

натурального обмена или насильственного захвата. Вот почему в ряде тюркских языков исконное название проса было перенесено на готовые продукты и кулинарные блюда, изготавливаемые из проса и других зерновых культур. Что же касается чувашей и их исторических предков, то они, судя по всему, на протяжении всей доступной обозрению истории никогда не разлучались с земледелием. Об этом свидетельствует сохранение в чувашском языке первоначальной семантики ряда земледельческих терминов, в том числе и самой древней зерновой культуры — проса. Также не случайно гимнические песнопения чувашей непременно начинаются клятвенными заверениями:

Алран кайми аки-сухи,
Асран кайми ати-ани...

«Неразлучные плуг и соха,
Незабвенные отче и мать...»

Но как могли сочетать болгарские предки чувашей кочевое скотоводство с земледелием? Вопрос этот получает довольно простой ответ, если вспомнить, что у кочевников обычно были летние (тюрк. **jajlay* ~ чув. *сулла* «летовка») и зимние (тюрк. **qışlay* ~ чув. *хёлле* «зимник») пастбища. В степных равнинных областях «зимники» располагались обычно на более южных широтах, и они считались основными родоплеменными территориями, а сезонные «летовки», как правило, находились далеко на севере и доходили вплоть до границ лесной полосы. Оногуро-болгарские племена в первых веках нашей эры занимали обширные степные просторы в районе Семиречья, а в летнее время перегоняли свои стада по бассейну Иртыша в лесостепные районы Западной Сибири и доходили до места слияния Иртыша и Оби. На летовки уходила только наиболее трудоспособная часть населения — пастухи и воины, способные оборонять многочисленные стада от набегов других племен. Основная же часть населения и в летнее время оставалась на южных основных землях, так как они тоже требовали охраны от набегов завоевателей. Именно оставшееся на зимниках население в летнее время занималось

земледелием. В III—IV веках зимники оногуро-булгарских племен располагались в районе Приаральской низменности, а летовки — в районе Бугульминско-Белебеевской возвышенности. После обоснования в южнорусских степях Восточной Европы летние пастбища булгарских племен, скорее всего, локализовались в Волго-Камье, верховьях Дона и Северского Донца, то есть в тех местах, где археологи находят памятники салтово-маяцкой или близких к ней культур.

В VI—VII веках в степях Юго-Восточной Европы появляются оседлые поселения булгар, что также свидетельствует о все возрастающей роли земледелия в хозяйстве древних булгар. Здесь также уместно вспомнить, что даже в XVII веке летовки калмыков в левобережье Волги доходили до Камы, а на правобережье — до южных районов Чувашии. Показательно в этом отношении чувашское название косы *сҫава*, заимствованное, по единодушному мнению иранистов и тюркологов, из аланского (ср. осет. *сæвæг* «коса» < *сæвун* «сечь», «бить», букв. «секущее, бьющее орудие») языка. Появление заимствованного названия косы в древнебулгарском свидетельствует о том, что предки чувашей уже в период интенсивных контактов с аланами (предками осетин) начали заготавливать на зиму сено. А это уже явно говорит о возобладании у древних булгар оседлости и земледелия. В отличие от ряда остальных тюркских народов, оногуро-булгарские предки чувашей, очевидно, никогда не расставались с земледелием, более того, на своих зимниках они возделывали практически все известные в то время зерновые и бобовые культуры, выращивали некоторые овощи (лук, чеснок, репу и, очевидно, брюкву), а также занимались садоводством (в т.ч. и виноградарством), о чем свидетельствует древнебулгарское название винограда в венгерском — *szőlő* ~ чув. *сҫырла* и археологические находки виноградарских ножей в салтово-маяцкой культуре). Сложившиеся в южнорусских степях земледельческие традиции булгар получили дальнейшее развитие в Волго-Камье.

Историческое развитие агротехнических приемов обработки земли также нашло отражение в языке. Наличие во всех тюркских языках восходящего к прототюркскому состоянию глагола **tari-* «обрабатывать землю под посев», «сеять» указывает на развитие земледелия у тюрков на весьма

ранних стадиях. Реконструкция исходной семантики этого глагола обнаруживает в нем значения такого операционного характера, которые связаны с разбрасыванием семян и разравниванием земли путем разгребания ее суковатой палкой (ср. связь с однокоренным глаголом **tara-* «расчесывать (волосы)», «сгребать (сено граблями)», «взрыхлять (землю граблями)» и т.п.). Глагол **tarī-* в чистом виде сохранился только в некоторых тюркских языках, ср.: карах.-уйг. *tarī-* «сеять», ср.-уйг. *tarī-* «сеять», уйг. *tār-* (< **tarī-*) «сеять», «сажать», хорезм. *tarī-*, чаг. *tarī-* «сеять», алт. *tarī-* «сеять», хак. *tarī-* «сеять», тув. *tarī-* «сеять», «пахать», «сажать», с.-юг. *tar-*, *dar-* «сеять», кирг. *tarī-* «пахать», «сеять», «возделывать землю» и др. Распространение глагола **tarī-* в современных языках явно ограничено ареалом вокруг уйгурского культурно-земледельческого ареала, в других тюркских языках, включая и чувашский, этот глагол сохранился только в составе производных типа **tarīy* «хлеба», «злаки», «зерно», **tarīy lay > tarla(w)* «пашня», «поле», **tarīm* «земледелие и т.п. Показательно также, что производное слово **tarīy* (исходное значение — «возделанная земля», «пашня») сохранилось только в аграрном уйгурском (таранчинском) регионе и чувашском (чув. *тырă* «хлеб(а)», «зерно», «посев(ы)», «зерновые культуры»). Вторичные значения «хлеба», «злаки», «зерно», представленные в древнеуйгурском, караханидском и хорезмийском, также тяготеют к уйгурско-таранчинскому ареалу. В большинстве тюркских языков это слово приняло специализированное значение «просо». В свете первичности значения глагола **tarī-* «разбрасывать семена» и «разгребать землю (примитивной бороной)» исходным значением производной именной основы *tarīy* видится «возделанная», т.е. перекопанная, засеянная и разгребенная примитивной бороной земля. Значения «хлеба», «злаки», «зерно», не будучи именем результата от глагола **tarī-*, следует понимать как метафорический перенос отличительного признака вещи на его название: «возделанные злаки», «сеянные злаки» (в отличие от дикорастущих, которые тогда люди еще продолжали собирать). Отсюда уже только один шаг к закреплению названия *tarīy* за наиболее распространенной земледельческой культурой — просом. Примечательно, что в чувашском языке за словом

тырă специализированное значение «просо» не привилось. Это также свидетельствует о глубоких традициях земледельческой культуры у болгаро-чувашей.

Наличие в чувашском языке сепаратных слов для названия плуга *ака* (< *ак*- «сеять» ~ пратюрк. **āk*- «сеять») и серпа *сурла* (< *сур*- «рвать» ~ пратюрк. *jar*- «разрывать», при общетюркском **oryaq* «серп» < пратюрк. **or*- «жать (хлеба)», «резать (траву)», «стричь») также свидетельствует о глубокой архаике болгаро-чувашской земледельческой культуры. Исходным для чувашского *ака* представляется значение «возделывание земли», «обработка земли», «земледелие» с широким семантическим полем, охватывающим одновременные перекопку или вспахивание земли (примитивным плугом в виде суковатой палки) и высевание семян. Очевидно, на выбранном для посева участке сначала разбрасывались семена и тут же запахивались. Собственно плуг по-чувашски называется *ака нус(ё)*, букв. «голова земледелия». По всей вероятности, это название первоначально относилось только к металлическому сошнику плуга. Глагол *сур*- «рвать», «вырывать», лежащий в составе чувашского названия серпа *сурла*, указывает на самый примитивный способ уборки урожая путем простого выдергивания колосков или стеблей целиком. Следовательно, слово *сурла* первоначально служило обозначением не того известного нам серпа, а некоего иного приспособления для облегчения выдергивания колосков или кистей злаков. Собственно процесс жнитвы в чувашском языке обозначается глаголом *выр*- «жать», генуинным с общетюркским *or*- и восходящим к праязыковому состоянию. Однако, в отличие от стандартных тюркских языков, в чувашском языке нет образованного от этого глагола ожидаемого названия серпа **выра* (др.-булг. **vuraγ*), что, видимо, объясняется переносом на более новое изобретение названия архаичного инструмента *сурла*.

Еще одним нововведением, осуществленным уже в доисторические времена, было орошение. Пратюркские истоки чувашского *шăвар*- и общетюркского *suγar*- «поливать» указывают на возникновение примитивного орошения полей уже в пратюркскую эпоху. Более того, пратюрки развили ее дальше, сооружая простые плотины,

которые ослабляли ливневые паводки и заставляли воду разлиться по пойме вдоль каналов. Общетюркский характер названия пруда (чув. *пёве* ~ тюрк. *bögä* «пруд») позволяет отнести появление оросительного земледелия если не в пратюркскую, то в раннедревнетюркскую эпоху.

Интересно также наличие в чувашском языке слова *йӱп* «развилка реки», «приток реки», генуинного с названием оросительного канала и арыка в тюркских и иранских языках среднеазиатского региона (ср. туркм. *j p*, узб. *jor*, каз., к.-калп. *žap*, кирг. *žap* < иран.: хорезм. *y b*, *y p*, н.-перс. *b* «вода», «канал»). Очевидно, в бытность в среднеазиатском регионе оногуро-булгарские предки чувашей познакомились с оросительным земледелием.

Возделывание земледельческих культур в широких масштабах вызвало в свою очередь новые проблемы — борьбу с эрозией, с сорняками, вредителями и болезнями, охрану почвы и поддержание плодородия.

Возникновение земледелия ввело в употребление новое понятие — сорняк. Сорняком может служить любое растение: все зависит от того, где оно растет и в какой степени затрагивает человека. Иначе говоря, сорняк — это любое растение, растущее в нежелательном для человека месте.

Значительная часть монографии Г.А.Дегтярева посвящена изучению структурно-семантических особенностей, принципов номинации и лексико-грамматических особенностей чувашских народных названий сорных растений. Это вполне понятно и оправдано, ибо культурную флору у нас составляет от силы два-три десятка возделываемых человеком растений, а названий сорных растений в одном только чувашском языке насчитывается почти 2000 единиц. Хочется подчеркнуть особо, что в настоящей монографии впервые собрано воедино столь внушительное число фитонимов. Глоссарий чувашских названий растений составлен как на основе существующих лексикографических изданий, так и на базе собранных самим автором полевых материалов, причем особое внимание уделено ареально-географической и диалектной характеристике названий растений. Этот богатый арсенал чувашских народных фитонимов, надеюсь, послужит незаменимой базой для дальнейшего усовершенствования и унификации фитонимической лексики чувашского языка

и окажет неоценимую услугу ботаникам при систематизации растений, составлении определителей растений, научных и популярных публикаций по ботанике на чувашском языке и т.д.

«Васильки во ржи» — поэтизированный образ этой книги. Поэтам нравятся васильки во ржи, а для крестьянина они — сущее бедствие. Не зря сорняки прозвали «зеленым пожаром». Чтобы бороться с сорняками — их надо знать «в лицо». Полагаю, что и в этом, сугубо утилитарном, аспекте книга Г.А.Дегтярева принесет определенную пользу, ибо дает возможность четко определить языковыми средствами то или иное сорнополевое растение.

В земледельческой лексике чувашского языка накопились многослойные напластования различных исторических эпох, заимствования из многих языков различных классификационных систем. Поэтому труд Г.А.Дегтярева представляет значительный интерес для соответствующих специалистов многих народов Евразии, начиная от Монголии на востоке и до Венгрии на западе. Он будет интересен и полезен не только лингвистам — тюркологам, алтаистам, иранистам, финноугроведам, славистам и т.п., но и историкам, этнологам, археологам, а также ботаникам, агрономам и другим специалистам сельского хозяйства.

*Доктор филологических наук,
профессор Н.И.Егоров.*

О г л а в л е н и е

Предисловие	3
Введение	13
Глава I. Традиционная агротаническая терминология в составе земледельческой лексики (Общая ономастоло- гическая характеристика)	15
1. Аффиксально производные термины	15
2. Составные наименования	19
3. Семантически производные названия	23
4. Заимствованные и первообразные обозначения	28
Глава II. Наименования сельскохозяйственных культур	34
1. Названия полевых культур	34
2. Названия огородных культур	44
3. Названия садовых культур	64
Глава III. Система номинации сорных растений	70
1. Структурно-семантические особенности народных названий трав	70
2. Основные принципы номинации	76
3. Типичные обозначения сорнополевых трав	92
4. Системные связи и изменения в лексике флоры	97
Глава IV. Названия морфологических частей, этапов роста и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур	102
Заключение	115
Литература	119
Принятые сокращения названий языков, диалектов и говоров	124
Список населенных пунктов, упомянутых в книге	126